Праваабарончы
Веснік
№1 (50), студзень 2015
Магілёўскі праваабарончы інфармацыйны бюлетэнь

ПРАВААБАРОНЦЫ ПАТРАБУЮЦЬ ВЫЗВАЛЕННЯ ПАЛІТВЯЗНЯ МІКАЛАЯ ДЗЯДКА

Палітзняволены павінен быў выйсці на волю ўжо 3 сакавіка. Зараз яму пагражае яшчэ адзін год у турме

Мікалай Дзядок быў узяты пад варту 3 верасня 2010 года. 27.05.2011 г. суд Заводскага раёна Мінска прысудзіў яго да 4,5 гадоў зняволення ў калоніі строгага рэжыму паводле ч. 2 арт. 339 Крымінальнага кодэкса ("злоснае хуліганства"). 05.12.2012 г. пастановай суда ўмовы адбыцця пакарання былі замененыя на больш жорсткія і Мікалай быў пераведзены з калоніі №17 г. Шклова ў турму № 4 г. Магілёва.

Падставай для прысуду Мікалаю Дзядку стаў ягоны ўдзел у мірнай дэманстрацыі пратэсту супраць сумесных руска-беларускіх вайсковых вучэнняў каля Міністэрства абароны. Следства і суд па справе суправаджаліся шматлікімі парушэннямі прынцыпаў справядлівага судовага разбіральніцтва. Гэтыя абставіны дазволілі кваліфікаваць гэтую крымінальную справу як палітычна матываваную, а Мікалая Дзядка як палітычнага зняволенага.

Падчас зняволення Мікалай Дзядок неаднаразова атрымліваў дысцыплінарныя спагнанні з боку адміністрацыі пенітэнцыярных установаў, у якіх ён адбываў пакаранне. Яго змяшчалі ў ШЫЗА (штрафны ізалятар) і памяшканне камернага тыпу, пазбаўлялі спатканняў і перадачаў. Ціск на Мікалая не спыніўся нават пасля яго пераводу ў турму №4 г. Магілёва. У некаторых выпадках ён ажыццяўляўся праз іншых зняволеных. На працягу кароткага перыяду часу з прычыны правакацый і канфліктаў Мікалая чатыры разы пераводзілі ў розныя камеры. Ён быў вымушаны звярнуцца да адміністрацыі турмы з просьбай аб яго ўтрыманні ў адзіночнай камеры. У выніку ціску і цяжкасцяў здароўе Мікалая Дзядка пагоршылася.

3 сакавіка 2015 года Мікалай Дзядок павінен быў выйсці на волю ў сувязі са сканчэннем тэрміна зняволення. Аднак, як стала вядома, у адносінах да яго была распачатая новая крымінальная справа паводле артыкула 411 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (злоснае непадпарадкаванне патрабаванням адміністрацыі папраўчай установы). Падставай для крымінальнай справы сталі матэрыялы дысцыплінарных спагнанняў, раней накладзеных на яго адміністрацыяй турмы. 13 студзеня 2015 года скончыўся тэрмін папярэдняга следства, пасля чаго матэрыялы справы былі перададзеныя ў пракуратуру для падрыхтоўкі іх перадачы ў суд. У выпадку прызнання вінаватым, Мікалай Дзядок можа быць прысуджаны да яшчэ аднаго года пазбаўлення волі. Варта адзначыць, што праваабарончыя арганізацыі ў Беларусі выступаюць за адмену гэтага артыкула Крымінальнага кодэкса, які не мае аналагаў у іншых краінах былога Савецкага Саюза, і паказваюць на магчымасць яго адвольнага прымянення ў дачыненні да непажаданых для ўладаў зняволеных з мэтай фактычнага падаўжэння тэрміну турэмнага зняволення.

У сувязі з вышэйсказаным, нашыя арганізацыі выказваюць сваю глыбокую заклапочанасць у сувязі з сур'ёзнымі пагрозамі для жыцця і здароўя Мікалая Дзядка і падкрэсліваюць, што ўся адказнасць за яго бяспеку і абарону ляжыць на адміністрацыі турмы № 4 г. Магілёва і кіраўніцтве Дэпартамента выканання пакаранняў Міністэрства ўнутраных справаў Рэспублікі Беларусь.

Мы таксама выказваем пратэст супраць новага крымінальнага пераследу Мікалая Дзядка, які лічым выключна палітычна матываванай справай, і патрабуем яго неадкладнага спынення, а таксама неадкладнага і безумоўнага вызвалення Мікалая Дзядка і іншых палітычных зняволеных у Беларусі.

FIDH – Міжнародная федэрацыя за правы чалавека
і яе сяброўскія і партнёрскія арганізацыі:
Рэспубліканскае праваабарончае грамадскае аб'яднанне "Беларускі Хельсінкскі Камітэт", Праваабарончы цэнтр "Вясна", Мінск-Парыж, 15.01.2015 г.

СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКАЯ НЕНАВИСТЬ

Юлия Чернявская,
TUT.BY

Есть такое популярное, хоть и абстрактное понятие «средний белорус». Он горожанин, этот средний белорус. Ему под сорок. Он женится до тридцати лет, имеет от одного до «полутора» ребенка и среднее специальное образование. Он тратит на питание около половины дохода в месяц. В вопросе о том, сколько пьет среднестатистический белорус, мнения расходятся: эксперты называют цифры от 11,9 до 17,5 л чистого спирта в год. Из них 47% крепкого алкоголя – и лишь 5% виноградных вин. Остальное он добирает самогонкой и пивом. Да, еще деталь: при том, что мы все время говорим «он», средний белорус – все же женщина: на 1000 мужчин в Беларуси приходится 1051 женщина.

Конечно, этот образ несовершенен, ибо, как в анекдоте, «есть маленькая ложь, есть большая ложь, а есть статистика»: в реальности существует человек города и деревни, райцентра и столицы, мужчина или женщина, человек с высшим образованием – и почти с нулевым, «инсайдеры» и «аутсайдеры». Уж не говоря о том, что человек – личность, хоть и не всегда.

Вы уже поняли: среднестатистический белорусский гражданин в природе не водится: его образ существует лишь в социологических таблицах.

В чем же заключается «среднесть» – не в таблицах с процентами, а в жизни? Я бы сформулировала так: средний человек – это тот, кто без натуги вписывается в культуру. Кто олицетворяет норму в его собственной среде. В деревенской или городской. В образованной или нет. В культуре хлипкого белорусского богатства или в «культуре бедности». Это не мой термин: его придумал американский антрополог Оскар Льюис.

Представители «культуры бедности» считают, что на каждого члена социума приходится определенный ресурс благ – и этот ресурс ограничен: если один получает больше – то другие автоматом получают меньше. Речь не обязательно о деньгах – речь и о нематериальных вещах: об амбициях, о месте в обществе, об уме, красоте, о подарках судьбы – и не в последнюю очередь о доверии... Так что «культура бедности» – термин не столько «про деньги», сколько про психологию: если ты забрал из общего котла лишнюю «пайку» – значит, обокрал всех.

Психология бедности живуча. Из прошлого она просочилась в настоящее, из сельских общин – в города, от бедняков – ко вполне зажиточным людям. Главное в ней – это равенство, сходство, взаимозаменяемость. Должны быть выдержаны четкие роли: возрастные, профессиональные, гендерные, бытовые. Будь, как все – и твое жизненное равновесие ничем не нарушат.

Человек середины – это человек здравого смысла. Знающий, «как положено». Не озабочивающийся на тему: а как бы могло быть еще? Отклоняться от линии поведения сородичей средний человек может лишь в допустимую сторону и в допустимых пределах.

Кстати, для белорусов тут нет ничего специфического: по этим правилам веками выживали самые разные народы, особенно традиционные, кормящиеся от земли: воспроизводство неизменных правил даровало надежду... нет, не на лучшее, но, по крайней мере, на воспроизводство того же самого. В том числе и себе подобных – тех, кто будет вспахивать твое поле, когда тебя не станет, на детей. Таким образом, род не прервется, и земелька будет родить столько, сколько надо для проживания. Чтоб не хуже, чем вчера.

Аграрность Беларуси давным-давно канула в прошлое, и детей рожаем мало, и живем в урбанистической культуре, а вот психология многих из нас остается прежней – психологией бедности. Тихой. Но довольно злобной.

«Человек бедности» ненавидит тех, кто от него отличается. Для нашего современника это в первую очередь гомосексуалисты и транссексуалы (средний белорус свято уверен, что это одно и то же). Туда же, как говорят у нас, «да кучы», он причисляет и педофилов. Т. е. даже не причисляет: и гомосексуалист, и транссексуал, и педофил для него одно и то же. И учить матчасть он категорически отказывается: для того, чтоб ненавидеть, много знаний не нужно, как раз совсем наоборот.

Вообразим беседу двух таких «середнячков»:

– Читал, что в газете про «п...в» написали?

– А чего про них писать? Их сажать надо.

– Во, смотри: «Это в странах Западной Европы в рамках ювенальной юстиции педерастам разрешают усыновлять детей, и те попросту становятся заложниками в руках извращенцев, которые совращают и измываются над малышней каждый божий день только им одним известными способами. В Республике Беларусь «голубое лобби» находится под колпаком со стороны руководства страны и знает, что со статусом гомосексуализма нечего соваться в высшие эшелоны власти или в отдел опеки за несмышленой жертвой».

– Во до чего у них дошло!

– Да что – «у них»! У нас тут, в Макаринцах, слышал: баба стала мужиком... Во, гляди: «жуткие подробности истории превращения женщины в мужчину».

Отвлечемся от беседы воображаемых (но очень реальных по воззрениям) собеседников и вспомним историю, ставшую ее предметом. Для тех, кто не читал статей «Нашай Нівы» и «Белорусских новостей», а также оригинала, гордо красующегося на сайте «Вечернего Могилева», расскажу эту страшную сказку, ставшую отвратительной былью.

Жил да был в деревне Макаринцы скотник Дима. Обычный «человек бедности», такой, как все. Пьющий, правда. Сильно пьющий. Но не драчливый, смирный, характером слабый. А что хата у Димы разваливается – так не у него ж одного: а потом, и чинить не на что - зарплата у него, как говорится, слезы, и детей трое. Не его детки – жены, ну, так он их растит, значит, его. Словом, жил себе Дима поживал, как положено среднему человеку. Не хулиганил, даже не матерился, рук не распускал. Пил, разве что, а кто не пьет? Да вот и на Диму по пьянке случилась

проруха: утащил у соседки 10-литровую бутылку вина и четыре килограмма фарша. Пришел участковый, арестовал правонарушителя и упек его в «каталажку»…

Тут все и закрутилось, ибо в процессе сбора оперативных данных выяснилась пикантная деталь: некогда Дима был… женщиной. Т. е. родился девочкой, ни дня себя девочкой не чувствуя, долгие годы терзался, но уже много лет назад официально изменил пол. И сделал это не на прогнившем Западе, где сплошное «голубое лобби», а у себя на родине. В Беларуси это делается очень сложным образом – путем прохождения множества исследований, инстанций, проверок и прочих мытарств. Вот что говорит Олег Химко, заведующий сексологическим отделением городского психоневрологического диспансера: «Сначала пациент около года обследуется разными специалистами, не реже одного раза в 3 месяца посещая психолога и сексолога. Затем межведомственная комиссия при Министерстве здравоохранения решает его дальнейшую участь. Если она дает положительный вердикт, человек меняет паспорт и еще в течение полугода живет с новыми документами, но со «старым телом». Только после этого повторно собирается комиссия и разрешает хирургическую и гормональную коррекцию. Но и перед операцией пациенту пережить предстоит немало: гормональная подготовка, подписанное заявление о возможных последствиях, психологическое напряжение…»

Словом, кому попало, по сиюминутному желанию, пол не сменят. А если уж операцию сделают, то придется пожизненно пить гормоны, мучиться с нарушенным обменом веществ, существовать под угрозой отторжения имплантатов… Так что от большой радости на это не пойдешь. Пойдешь от отчаяния – от несовпадения себя с собою, личности – с гендерной ролью. Посмотрите фильм «Далласский клуб покупателей»: там такого человека прекрасно сыграл Джаред Лето. Фильм получил фантастическое количество призов, а герой Лето – любовь и слезы зрителей.

Но фильм фильмом, а жизнь жизнью. Потому можно проснуться в географическом центре Европы и прочитать в областной газете следующее: *«По предоставленной судом информации, в 1995 г. в г. п. Боровляны Минского района Трусневу Игорю Петровичу (имя изменено) была сделана хирургическая операция по изменению пола. Изначально «оно» было девочкой и даже имело имя Наталья. Однако после распада СССР, на волне всеобщей распущенности, когда мощным потоком с Запада к нам хлынул педерастический элемент, Наталья, не устояв перед искушением, решила из слабого пола стать сильным и легла под нож…»*

Знаете, что мне напомнило это «оно»? Так в «Молчании ягнят» маньяк называл жертву, чтобы ее деперсонифицировать, а говоря попросту – низвести до ранга недочеловека. Ведь человека убить трудно: дело идет куда проще, если принизить его до неодушевленного существа, до местоимения третьего лица – «оно».

Но вернемся к нашему герою. Лишь 20 лет назад Дима стал тем, кем чувствовал себя всегда, а именно – мужчиной. Женился, растил ребенка жены, потом развелся, платил алименты на ребенка, вновь женился… Жены знали, конечно, о его особенностях, но не болтали даже после развода: эта операция – медицинская тайна, а медицинская тайна в отношении человека – все равно что государственная тайна в отношении страны. Этим простым женщинам было ясно то, что оказалось неясным «людям с полномочиями», с которыми Дима столкнулся после задержания. Тайна следствия, как и медицинская, тоже оказалась пустым звуком.

И пошли гулять по Могилеву слухи, покуда (довольно быстро) не добрались до газеты «Вечерний Могилев», которая не смогла устоять против жареного сюжета. Разумеется, под статьей была изящная сноска, мол, «ФИО транссексуала изменены по этическим соображениям». Сноска выглядела дополнительной издевкой: вряд ли из деревни Макаринцы, где всего-то 300 жителей, так часто увозят человека в областной СИЗО, чтобы можно было не сложить «два» и «два». Статья вышла, пока Дима еще сидел в следственном изоляторе.

В ней-то и разрезвились «акробаты пера, виртуозы фарса», как говорил француз у Ильфа и Петрова. Как только ни называли героя – и гермафродитом, и «оно», и «голубым», и «педерастом»… А какая разница – кто? Важно одно: неправильный. Не по нашим канонам сколоченный. Недочеловек. Нелюдь.

Вновь цитирую «Вечерний Могилев»: *«Как пояснил редакции судья суда Могилевского района С. В. Левченко, который рассматривает уголовное дело, по факту сожительства матери 3 детей с транссексуалом информация направлена в отдел образования, спорта и туризма Могилевского райисполкома для принятия мер по государственной защите девочек, находившихся на иждивении у лица нетрадиционной сексуальной ориентации».*

Нетрадиционная сексуальная ориентация к транссексуализму отношения не имеет, но об этом не знают ни редактор газеты, ни судья, по странному совпадению носящие одну фамилию. Кстати, а что может случиться с девочками? Отчим может склонить их к перемене пола? Да что угодно: транссексуал, он же «педераст» и, конечно же, педофил, способен на все. И поэтому ему должны противостоять сразу три светлые силы – образование, спорт и туризм.

Хочется спросить: слушайте, а ничего, что этот человек сделал законную операцию в наших Боровлянах; что он юридически, опять же, по белорусскому закону, признан мужчиной; что он воспитывал детей и платил алименты, как и положено гражданину Республики Беларусь? Или у нас два закона? Для среднестатистического гражданина – один, а для «плаксивого гермафродитного существа» – другой. (Это тоже цитата. Кстати, с правилами русского языка журналистов «Вечернего Могилева» надо бы ознакомить, может, даже принудительно.)

Когда корреспонденты «Нашай Нівы» спросили у главного редактора Надежды Левченко, а хорошо ли человека называть «оно», дама, недолго думая, ответила: «Почему вас это интересует? Вы что, представители меньшинств?»… Не сомневаюсь: ее удивление искренне. Представители большинства не должны беспокоиться о судьбе человека, непохожего на них: в культуре психологической бедности «свой» обязан быть среднестатистическим экземпляром – да-да, тем самым, выпивающим по 17,5 литра спиртного в год, имеющим «полтора»

Працяг на 4-й старонцы

СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКАЯ НЕНАВИСТЬ

Заканчэнне. Пачатак на стар. 2

ребенка и ползарплаты тратящим на еду. А главное – он должен быть либо мужчиной, либо женщиной.

И вновь – к газете.

«Рядовое преступление вышло из разряда банальных, когда Игоря взяли под стражу и доставили в тюрьму, где его завели в смотровую комнату и приказали раздеться. Труснев, краснея и смущаясь, отказался. Говорят, что когда это было произведено принудительно, то бывалые конвоиры в ужасе повыбегали из смотровой. Ибо там, где у каждого нормального мужика достоинство, оказался женский треугольник». Вот где истинный ужасто для бывалых конвоиров, которые и бандитов, наверное, в своей жизни повидали, и убийц. Вот оно, самое страшное – краснеющий и смущающийся человек, у которого не то, что «у каждого нормального (читай – среднестатистического. – Ю. Ч.) – мужика». Право же, обеспокоишься за психологическое состояние нежных конвоиров, которые «в ужасе повыбегали из смотровой», не справившись с когнитивным диссонансом... Впрочем, это так, фигура речи, нагнетание страстей. Ясно же, что никто никуда не выбегал, скорее всего, совсем даже напротив: легко представляю гогот, пальцы, внаглую шарящие по телу испуганного человека, соответствующие эпитеты...

Вновь обратимся к тексту: *«Естественно, у представителя Фемиды мы поинтересовались, какое же наказание будет назначено транссексуалу? Станислав Васильевич Левченко пояснил, что данный вопрос является тайной совещательной комнаты, однако отметил, что отдельных колоний у нас для «этих» пока не существует, и даже в тюрьме № 4 г. Могилева Труснев Игорь Петрович во избежание эксцессов находится в одиночной камере. Впрочем, на наш взгляд, нахождение транссексуала в отдельной клетке вполне оправданно».*

Почему – «в клетке»? А где ж еще? То, что Дима совершил мелкое правонарушение (за которое в итоге был приговорен всего-навсего к штрафу в 750 тысяч) – неважно. За это в клетку не посадят. В клетку сажают зверей в зоопарке, чтобы прохожие глядели, хлопали в ладоши и тыкали пальцем. А что, прикольно, ни баба, ни мужик!

Обратим внимание и на красноречивое слово, оброненное представителем Фемиды: «этих»... Ведь мог же сказать «транссексуалов», ан нет, надо было выплюнуть брезгливое словцо, чтоб показать: среднестатистическому стражу закона даже вымолвить такое слово противно. Хуже мата.

Почему же эти люди – от стражей правосудия до журналистов и рядовых форумчан – так ненавидят этого человека? Что им сделал тихий, пьющий Дима? Для ответа опять впору вспомнить о культуре бедности. Дима обокрал их. Он украл не фарш и не бутыль вина, а гораздо большее – их представление о норме. О том, что Волга впадает в Каспийское море, что лошади кушают овес и сено, что все люди одинаковы и что нельзя противиться судьбе. Они, может, тоже бы хотели что-то изменить, не пол – так возраст, или профессию, или выражение лица – а вот не меняют же. А то что, в самом деле, будет, если каждая женщина захочет быть мужчиной и наоборот? Землица не уродит и род не воспроизведется... В таком случае в качестве аргумента часто упоминают Библию – при том, что по статистике средний белорусский гражданин в церковь ходит лишь по большим праздникам или не ходит вовсе.

Кстати, о норме: еще полтора века назад многие профессиональные врачи всерьез считали, что женщина, пришедшая к ним на прием, – дама легкого поведения. И противопоставляли ей идеал – ту, которая готова терпеть адские муки, но не давать возможности доктору ее посмотреть.

Норма подвижна. А среднестатистический человек хочет ее незыблемости: так он чувствует себя защищеннее и увереннее.

Ненавидеть удобно. Гонимые с необходимостью пробуждают страсть к гонению, писали знаменитые социофилософы Т. Адорно и М. Хоркхаймер. Так что Дима виноват лишь в том, что он существует.

Спустя месяц Диму выпустили: не таким уж страшным было его правонарушение. И что теперь? Теперь ему нужно уезжать вместе с семьей, если, конечно, светлые силы – образование, спорт и туризм – не лишат их этой единственной и довольно призрачной возможности. Маленькая деревня – самый яркий пример культуры бедности: выделившийся из нее человек (пусть и не по своей воле, пусть жестоко и насильно) – пария навсегда. И жены – парии: настоящая и бывшая. И их дети. И внуки.

Помните, я говорила о нехватке ресурсов в такой культуре? Дима, сам того не желая, отнял у деревни ресурс доверия. Мы-то думали, ты беззлобный пьяница, неудавшийся воришка, это бы мы стерпели, разве что посмеялись бы невезению: кто из нас не напивался, кто не «тырил» какуюто колхозную мелочь, и ничего. А ты нарушил единственно верную роль: без «достоинства» оказался, с «треугольником». Этим... как его... «голубым лобби» оказался. Так Дима перестал быть среднестатистическим белорусом, несмотря на то, что ему около сорока, у него есть дети и большая часть его зарплаты уходит на питание. Но он остался гражданином страны, где родился и вырос, где ему сделали ту самую операцию, где трудился, любил и был собой. А значит – имеет гражданские права, хотя его и пытаются лишить человеческих.

Возможно, он не знает своих прав и даже не подозревает, что они у него есть. Но эти права знаем мы. Мы – это общество. И если мы позволим шельмовать людей, сводя их достоинство исключительно к наличию «мужского достоинства», – мы обречены пожизненно оставаться производственными единицами, живущими в культуре бедности. Материальной, психологической, моральной, душевной. Даже не бедности – нищеты. Мы будем предаваться «среднестатистической» ненависти. Мы будем гордиться своей нормальностью и, как мантру, повторять: я – в большинстве, только оставьте меня в покое! Пока нежданно-негаданно кто-то более сильный не решит, что ты – не ты, а «оно». И что же мы будем тогда делать?

У нумары выкарыстаныя матэрыялы ПЦ «Вясна», TUT.BY

Праваабарончы веснік. Магілёўскі праваабарончы інфармацыйны бюлетэнь. Распаўсюджваецца бясплатна. Наклад: 299 ас.